

изранена», а для большей достоверности высовывает из пасти язык. Среди литературных прототипов «Романа о Лисе» называют в первую очередь две латинские поэмы «Избавление узника, описанное через аллегорию» и «Изенгрим». «Избавление узника», созданное в XI веке, выводит на первый план Волка, пойманного им Теленка и Выдру, история Лиса, враждующего с Волком из поколения в поколение, становится центральным сюжетом, по отношению к которому бегство сообразительного Теленка из когтей Волка представляет рамочную фабулу² Участь Волка незавидна: своими рогами Бык пригвоздил его к стволу дерева. Поэма Ниварда Гентского «Изенгрим» была закончена около 1148 года (после неудачи Второго крестового похода)³, в ней Волк также выступает в роли главного действующего лица, а Лис Рейнард – неперемного злодея, мстящего Волку за единожды произнесенную угрозу: «Ты станешь добычей моей!».

Немало в «Романе о Лисе» позаимствовано из сборников средневековых новелл или примеров. Уже основоположник этого жанра Петр Альфонсин (иудей по рождению, принявший в 1106 году крещение и с тех пор разоблачавший своих былых сородичей с упорством неопита) включил историю о Лисе в свою книгу «Наставления клирикам»⁴: «Рассказывают об одном пахаре, чьи быки отказывались вести прямую борозду. Он на них: „Волки съедят вас!“ Волк, услышав это, затаился. И вот, когда день стал клониться к вечеру и пахарь выпряг быков из плуга, Волк пришел к нему со словами: „Отдай мне быков, как ты обещал!“ А пахарь: „Я клятвой своих слов не скреплял“. А Волк ему: „Я должен получить то, что мне обещано“. Они договорились, что отправятся к судье, а по дороге им встретился Лис. „Что за тяжба?“ – спросил хитрый Лис. Они поведали Лису о том, как все было. „К чему вам искать другого судью, я смогу вас рассудить как следует. Но прежде позвольте мне посоветоваться сначала с одним из вас, а потом с другим, и, если я смогу привести вас к согласию без суда, я не буду оглашать решение; если же нет – устроим прения“. На том и порешили. Лис сперва уединился с пахарем и говорит: „Если дашь одну курицу мне и еще одну – моей супруге, то получишь быков!“ Пахарь согласился. Тогда Лис сказал Волку: „Послушай, друг, твои заслуги требуют того, чтобы я постарался ради тебя. Вот я тут говорил с пахарем, и он, если ты отдашь ему быков в целостности и сохранности, обещает выдать тебе головку сыра размером с большой щит“. Волк на это согласился. Тогда Лис добавил: „Позволь пахарю увести своих быков, а я отведу тебя туда, где у него припасены сыры, чтобы ты выбрал тот, который тебе больше всего понравится“. Волк, поддавшись на хитрость Лиса, позволил пахарю уйти вместе с быками. Лис, шныряя то туда то сюда, старался сбить Волка с пути. Наконец настала ночь, и тут Лис привел Волка к глубокому колодезю. В это время в небе прямо над колодезем стояла полная луна, которая отражалась на дне, и вот Лис показал это отражение Волку и говорит: „Это и есть тот самый обещанный сыр! Спускайся, если хочешь, и ешь!“ А Волк: „Спускайся ты первый, и, если не сможешь поднять одной головки, клянусь, сделаю, что скажешь“. При этих словах они увидели веревку, которая спускалась в колодезь, к одному концу веревки было привязано одно ведро, а к другому – другое, и они висели так, что когда одно спускалось, другое поднималось. Едва Лис это увидел, он, будто послушавшись Волка, сел в ведро и спустился на дно. Обрадованный, Волк стал спрашивать: „Чего ты не несешь мне сыру?“ А Лис: „Не могу, слишком уж он большой, садись в другое ведро и спускайся, как ты и клялся“. Когда Волк сел в ведро, то от большого веса оно тут же спустилось вниз, а другое, с Лисом, поднялось вверх: он-то был легче. Лис молча вылез из колодеца и оставил Волка на дне. Как тот, кто ради будущего отказывается от вещей, которые имеет сегодня, Волк не получил ни быка, ни сыра». Петр Альфонсин также упоминает и историю о том, как Лис встретил на полях только что родившегося Мула и пожелал узнать о его происхождении.

Первоначально Мул отвечал, что его дед – благородный конь, но с годами эта история обростала все новыми и новыми подробностями и в пересказе знаменитого проповедника Якова де Витри (ум. 1240) уже выглядела так: «Человек умирает быстро, век его недолог, часа своей смерти

² Русскому читателю известна как раз эта, рамочная, часть, опубликованная в переводе. Е. Грабарь-Пассек, – см.: Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972.

³ Отрывки из поэмы переведены на русский язык М. Л. Гаспаровым (см.: Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 461 – 468).

⁴ Отдельные новеллы из «Наставлений клирикам» переводились Т. А. Миллер (Памятники средневековой латинской литературы X-XII веков. М., 1972. С. 177-180) и С. В. Поляковой (Средневековые латинские новеллы. Л., 1980. С. 308 – 331).